

DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-4-732-756

Научная статья / Research article

Российская идентичность жителей республик Южной Сибири: динамика трансформации и восприятие оснований по данным массовых опросов 2013–2019 гг.

Ю.М. Аксютин

*Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова,
Абакан, Российская Федерация*

 aksutum@mail.ru

Аннотация. В современном российском общественно-политическом и научном дискурсе все чаще звучит мнение, что сибирская региональная идентичность, переживающая новый виток популярности, вступает в конфликт и становится фактором риска развития общероссийской гражданской идентичности жителей Сибири, ставя под сомнение ее консолидационный потенциал. Цель — на основании данных массовых опросов (2013–2019 гг.), проведенных в полиэтнокультурном регионе методом формализованного интервьюирования, осуществить анализ динамики и определить особенности восприятия оснований российской идентичности жителями Республик Хакасия, Тыва и Алтай. Согласно результатам исследования, доля опрошенных, ответивших, что они в большей степени считают себя жителями России, составляет порядка 30%. Российская идентичность занимала первую позицию в структуре идентичностей жителей Хакасии и Алтая. В Тыве российская и республиканская идентичности паритетны. Установлено, что в массовом сознании нерусских жителей региона россияне объединяет российское гражданство, которое в качестве основания идентификации отметили от 35 до 45% опрошенных представителей титульных этносов региона. Иными словами, российская идентичность в значительной степени государственно-гражданская (порядка трети опрошенных демонстрировали «гражданский тип идентичности»). Примерно у такой же доли россияне, преимущественно — русских, диагностировался «социокультурный тип» оснований российской идентичности.

Ключевые слова: российская идентичность, структура идентичностей, основания идентификации, Южная Сибирь, Хакасия, Тыва, Алтай

Для цитирования: Аксютин Ю.М. Российская идентичность жителей республик Южной Сибири: динамика трансформации и восприятие оснований по данным массовых опросов 2013–2019 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 4. С. 732–756. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-4-732-756>

© Аксютин Ю.М., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The Russian Identity in Southern Siberian Republics: Transformation Dynamics and Basis Perception According to the Opinion Polls of 2013–2019

Yurii M. Aksiutin

Katanov State University of Khakassia, Abakan, Russian Federation

 aksutum@mail.ru

Abstract. The structure of the identity of Russians (including those in Southern Siberia) began to transform after the collapse of the Soviet Union, which resulted in the revival of ethnic identities or the strengthening of different local and territorial ones. The first case was typical for titular Russian ethnic groups, while Russians didn't have such an evident option. The Russians mostly levelled their identities down and could not find themselves among the vague new Russian identity. The beginning of the 2010s was characterized by not only discussions of the content of Russian identity and the basis for national policy, but also huge generation changes. The purpose of this article is to analyze the dynamics of Russian identity and discover typical features of Russian identity bases among the inhabitants of Khakassia, Tyva and Altai Republics. The analysis is based on opinion polls held in these polyethnocultural regions. As seen from the poll results, about 30 % consider themselves to be inhabitants of Russia. Russian identity is of high priority for people in Khakassia and Altai Republics (it is the first grade in their identities' structure), while in the Tyva Republic Russian and regional identities are equal. The study discovered that 35–45 % of titular ethnic groups marked Russian citizenship as the basis of their identification: hence, the Russian identity is mostly a mixture of civil and state identities (about one-third of respondents noted "civil identity"). Approximately the same proportion of Russians noted the social and cultural nature of Russian identity.

Keywords: Russian identity, identity structure, identification basements, Southern Siberia

For citation: Aksiutin, Yu.M. (2022). The Russian identity in Southern Siberian republics: Transformation dynamics and basis perception according to the opinion polls of 2013–2019. *RUDN Journal of Political Science*, 24(4), 732–756. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-4-732-756>

Введение

Произошедшие в России уже почти треть века назад институциональные и социально-экономические трансформации имели следствием изменение не только государственно-политического устройства, но и самого сознания жителей страны — бывших советских граждан, а также положили начало новой российской общности (русской нации) и идентичности. Несмотря на то, что феномен новой российской гражданско-национальной идентичности вот уже на протяжении трех десятков лет находится в фокусе исследовательского внимания, его изучение не утрачивает актуальности. Остаются проблемными вопросы как теоретико-методологического, так и практико-управленческого плана, связанные, с одной стороны, с ситуацией конкуренции подходов к концептуализации и опе-

рационализации феноменов российской нации и идентичности, что порождает неясность базисных положений официальных документов (Концепция государственной национальной политики Российской Федерации (1996), Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. (2012) и др.)¹, а с другой стороны, сложностью и изменчивостью этносоциальных условий реализации задач национальной политики в регионах страны, которые следует учитывать в практике управления [Дробижева 2019: 4; Попков 2020: 254]. В таком контексте анализ динамики и оснований российской идентичности жителей Южной Сибири, включающей три национальные республики (Хакасия, Тыва, Алтай), основывающийся на данных ряда массовых опросов (2013–2019 гг.), обладает академической значимостью и имеет перспективы применения в плане корректировки практики управления этносоциальной ситуацией в регионе перед лицом новых вызовов. Изменение экономической ситуации (спад производства, санкции), события на Украине (в регионе сложилась большая украинская диаспора) и внутривнутриполитические процессы («протестные голосования» на выборах в органы управления) имеют значительный конфликтный потенциал, несут риски устойчивого функционирования российской идентичности, эскалации противоречий межэтнического взаимодействия.

Цель исследования заключается в анализе динамики и определении характера оснований российской идентичности в представлениях жителей республик Хакасия, Тыва, и Алтай в период 2013–2019 гг.

Материалы и методы. Чтобы российская нация и идентичность стали константой сознания людей и доктринальной категорией, должно было пройти время, наполненное реальными жизненными ситуациями и индивидуальным опытом, острейшими общественно-политическими дискуссиями, в которых выкристаллизовывалось национальное самосознание. Трансформации 1990–2000-х гг. сопровождалась деконструкцией объединявшей советский народ (реально или декларативно) надэтнической, интернациональной советской идентичности. Потребность в обретении чувства общности, в условиях отсутствия однозначного понимания содержания новых категорий «русской нации», «русской идентичности» как в массовом сознании, так и на уровне официального дискурса, закономерно актуализировали обращение жителей постсоветской России к этнической традиции, а порой и ее изобретению. Это явление было настолько широким, что политики и ученые заговорили о «возрождении этничности» и необходимости выработки официальной государственно-национальной политики перед лицом этнизации социокультурного

¹ Указ Президента Российской Федерации от 15.06.1996 № 909 «Об утверждении Концепции государственной национальной политики Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 17.06.1996. № 25. Ст. 3010. Концепция государственной национальной политики Российской Федерации. URL: https://base.garant.ru/1548081/#block_1000; Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.» // Собрание законодательства Российской Федерации. 24.12.2012. № 52. Ст. 7477. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. URL: <http://base.garant.ru/70284810/>.

пространства страны, в которой видели серьезный конфликтогенный потенциал [Нигматуллина 2016; Авксентьев, Аксюмов, Гриценко 2020; Тишков 1992; Castells 2006; Leach, Brown, Worden 2008].

Продолжавшиеся десятилетиями дискуссии о содержании ключевых для выстраивания эффективной национальной политики понятий российской нации и идентичности окончательным успехом определенного подхода не увенчались. Несмотря на принятие в 2012 г. Стратегии государственной национальной политики до 2025 г. (Далее — Стратегия), последующие ее корректировки в 2017–2018 гг.², закрепившие определение многонационального народа Российской Федерации (русской нации) как сообщества свободных равноправных граждан Российской Федерации различной этнической, религиозной, социальной и иной принадлежности, обладающих гражданским самосознанием, а общероссийской гражданской идентичности (гражданского самосознания) как осознания гражданами Российской Федерации их принадлежности к своему государству, народу, обществу, ответственности за судьбу страны, необходимости соблюдения гражданских прав и обязанностей, а также приверженность базовым ценностям русского общества³, практики неоднозначного использования этих понятий не устранили. Понятие общероссийской, гражданской идентичности продолжает функционировать в формах просто русской, национально-гражданской, государственно-гражданской идентичности [Дробижева 2020: 482]. Ситуация неоднозначного определения и функционирования обсуждаемых понятий имеет как сторонников, отмечающих, что одновременное сосуществование солидаризирующихся и противоположных смыслов и значений делает данное понятие не только многозначным, но и высококонкурентным [Мчедлова, Казаринова 2020: 16], так и противников, обосновывающих необходимость выработки непротиворечивого (генетического или атрибутивного) понятия русской нации, национальной идентичности, не игнорирующих, но поясняющих его отличия от этноса и этнической идентичности [Белокур 2016]. В такой ситуации важно, чтобы понятие не существовало в вакууме, а его значения разделялись носителями, соотносились со смыслами, которые вкладывают россияне в понимание своей национальной идентичности.

Изучение русской идентичности ведется представителями разных предметных областей и имеет уже достаточно длительную историю. В рамках этнополитического и этносоциологического дискурса исследуются процессы и этапы формирования представлений о гражданской идентичности, русская идентичность рассматривается в соотношении с другими макроидентичностями, анализируется их конфликтность, влияние на межэтниче-

² Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 № 1666. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. // Президент России. 2012. 19 декабря. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512> (дата обращения: 14.07.2022).

³ Указ Президента Российской Федерации от 06.12.2018 № 703 «О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г., утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666 URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43843> (дата обращения: 14.07.2022).

ские и межконфессиональные отношения [Дробижева 2008; Тишков 1992; Ламажаа 2021; Паин, Федюнин 2017; Aksutin 2018; Anzhiganova, Asochakova, Тороева 2017; Kapeller, Wolkenstein 2013]. В нашем исследовании, преследующем цель анализа динамики российской идентичности, характеристики ее позиции в структуре идентичностей жителей региона и определении оснований их идентификации, методологическими ориентирами были идеи и работы отечественных и зарубежных этносоциологов, социальных философов и антропологов, касавшихся вопросов определения самого понятия идентичности (Б. Андерсон, Т. Парсонс, П. Бергер и Т. Лукман, Л.М. Дробижева и др.) [Anderson 1983; Parsons 1991; Бергер, Лукман 1995; Дробижева 2010 и др.] и круга связанных с ним категорий, теоретико-методологических подходов, формирующих поле идентитарных исследований (З. Бауман, М. Archer, А. Giddens, J. Habermas, В. Ядов, И.С. Семенов и др.) [Бауман 2008; Archer 1998; Giddens 1991; Habermas 1984; Ядов 1995, Семенов 2017]. Иными словами, методология нашего исследования, будучи определена многоаспектной целью, представляет собой синтез нескольких подходов, что дает возможность представить российскую идентичность динамичной, типологически сложной, функционирующей в социокультурных и политико-экономических контекстах.

Южно-Сибирский регион, как этнотерриториальное образование, выбран в качестве объекта анализа по ряду причин. Республики региона входят в состав ряда этнокультурных, локально-территориальных, географических агломераций (Южная Сибирь, Центральная Азия и др.), это один из самых многонациональных (в этническом смысле слова) регионов России, с особыми условиями, в том числе рисками, функционирования российской идентичности. До известных пределов Южно-Сибирский регион — отражение многонациональной страны. Численность населения республик, по опубликованным данным переписи 2010 г., составляла в Хакасии 532 403 чел. (русские — 427 647 чел. (81,7 %), хакасы — 63 643 чел. (12,1 %)), в Алтае 206 168 чел. (русские — 114 802 чел. (56,6 %), алтайцы — 68 814 чел., (33,9 %)), в Тыве — 307 930 чел. (тувинцы — 249 299 чел. (82 %), русские — 49 434 чел. (16,3 %)) [Социально-демографический... 2012: 99–100]. Согласно предварительным результатам Всероссийской переписи населения 2020 г., проведенной с использованием технологий электронного анкетирования, численность населения и этнический состав/соотношение в Хакасии, Алтае и Тыве изменились существенно (Республика Хакасия — 535 тыс. чел.; Республика Алтай — 211 тыс. чел.; Республика Тыва — 330 тыс. чел.)⁴.

Эмпирическую базу исследования сформировали проводимые нами по единой программе и анкете массовые опросы в период с 2013 по 2019 г. Во всех исследованиях применялась многоступенчатая выборка (доля каждой республики определялась пропорционально их долям в генеральной совокупности).

⁴ Всероссийская перепись населения 2020. Предварительные итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul

Выборка внутри республик квотная, с учетом половозрастных распределений и с процентным ограничением респондентов, имеющих высшее образование⁵.

Результаты и обсуждение. Начало глубинных трансформаций структуры идентичностей жителей России в целом и республик Южной Сибири в частности исследователи справедливо связывают с процессами распада советского общества и государства, когда проблема обретения чувства общности многими бывшими советскими гражданами решалась через возрождение этнической или обращение к локально-территориальным, государственной, гражданской идентичностям. Первый вариант был близок титульным этносам субъектов Российской Федерации, имевшим собственную этнополитическую историю, традицию национальных движений и опыт борьбы за национально-культурную автономию. Для русских, испытывавших чувство обиды и недоверия политической элите, ностальгию по утраченному статусу в «большой семье советских народов», выбор не был столь очевидным. Этнически русские, еще совсем недавно — советские, особенно в национальных регионах постсоветской России, стремились реализовать потребность в обретении самости через локально-территориальные идентичности (сибиряки, уральцы). В начале 1990-х гг. выделить гражданскую идентичность из общероссийской было просто невозможно. В массовом сознании еще функционировали советские идеологемы и конструкты «советского народа», «новой исторической общности» и др. [Kuzio 2002; Billington 2004] Результаты общероссийских и региональных опросов

⁵ 1) 2013 г. — социологическое исследование в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. по проекту «Надэтническая идентичность: анализ состояния и оценка потенциала оптимизации региональной модели межкультурного взаимодействия» (№ 14.В37.21.0511). Выборочная совокупность — 1000 чел. (Тыва — 290 чел., Хакасия — 520 чел., Алтай — 190 чел.); 2) 2014 г. — социологическое исследование в рамках гранта Президента РФ по теме «Анализ этнокультурных оснований ценностно-идентификационных конфликтов в постсоветской России: региональный аспект» (МК-2456.2013.6). Выборочная совокупность — 1000 чел. (Тыва — 290 чел., Хакасия — 520 чел., Алтай — 190 чел.); 3) 2015 г. — социологическое исследование в рамках гранта Президента РФ по теме «Российская гражданско-национальная идентичность: новые риски и способы преодоления (региональная модель)» (МК-6746.2015.6). Выборочная совокупность — 1000 чел. (Тыва — 290 чел., Хакасия — 520 чел., Алтай — 190 чел.); 4) 2016 г. — повторное социологическое исследование в рамках гранта Президента РФ по теме «Российская гражданско-национальная идентичность: новые риски и способы преодоления (региональная модель)» (МК-6746.2015.6). Выборочная совокупность — 1000 чел. (Тыва — 290 чел., Хакасия — 520 чел., Алтай — 190 чел.); 5) 2018 г. — социологическое исследование в рамках гранта Президента РФ по теме «Анализ и оценка эффективности функционирования гражданской нации в региональном социуме» (МК-587.2017.6). Выборочная совокупность — 1000 чел. (Тыва — 290 чел., Хакасия — 520 чел., Алтай — 190 чел.); 6) 2019 г. — социологическое исследование в рамках реализации договора № 457 от 14.08.2019 по теме «Тыва в условиях современных трансформаций: моделирование институциональных и социокультурных процессов в Республике Тыва (сер. 1990-х — 2019 гг.)». Выборочная совокупность — 290 чел. (Тыва — 290 чел.); 7) 2019 г. — социологическое исследование в рамках гранта РФФИ и Правительства Республики Хакасия (Договор № 18-411-190002) по теме «Хакасия в условиях современных трансформаций: социологическое исследование и моделирование институциональных и социокультурных процессов в Республике Хакасия (сер. 1990–2018 гг.)». Выборочная совокупность — 520 чел. (Хакасия — 520 чел.).

свидетельствуют, что в структуре идентичностей жителей страны новая российская идентичность утверждается только к периоду 2010-х гг. Опираясь на данные «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения» (2006 г.), «Европейского социального исследования» (2008 г.), Л.М. Дробижева отмечает, что российскими гражданами ощущали себя 65–68 % населения. Конечно, следует учитывать регион проживания респондентов. В районах с доминирующим русским населением российская идентичность могла фиксироваться на уровне 80–90 % от числа опрошенных (Томск, Екатеринбург, Якутия), в национальных республиках доля идентифицирующих себя с россиянами значительно снижалась (до 30 % и менее) [Дробижева 2010: 434–435]. Проводимые в Южной Сибири социологические исследования Л.В. Анжигановой, Г.Г. Котожекова, Ю.В. Попкова, В.Г. Костюк, В.Н. Тугужековой и др. [Анжиганова 2007; Жители... 1994; Попков, Костюк, Тугужекова 2003], включающие блоки изучения структуры идентичностей жителей региона, подтверждают, что в период 1990–2010-х гг. территориальные (локально-поселенческая (город/село), республиканская и сибирская региональная) идентичности были актуальнее российской [Жители... 1994; Межнациональные отношения... 1997; Религиозно-нравственное... 2007]. Например, результаты опроса еще 2007 г. в Хакасии фиксировали приоритет поселенческой идентичности у жителей республики (33,4 %), тогда как с жителями России идентифицировали себя в первую очередь лишь чуть более четверти опрошенных (28,6 %) [Религиозно-нравственное сознание... 2007].

Динамика структуры идентичности жителей республик Южной Сибири (2013 – 2019 гг.)

За прошедшие с начала первых исследований годы изменились не только методологические подходы к интерпретации содержания российской нации и идентичности (дважды), были приняты доктрины и стратегии национальной политики, изменения коснулись и ее восприятия жителями страны. По результатам опроса 2013 г., проведенного фактически на рубеже смены поколений и очередной актуализации вопроса выработки стратегии официальной государственной национальной политики (2012 г.), была выявлена тенденция роста значимости российской идентичности у жителей региона. В первую очередь с россиянами себя идентифицировали тогда порядка трети опрошенных в Хакасии (32,3 %) и почти половина в Алтае (41,1 %). В Тыве позиции российской и республиканской идентичности были равны, и ощущали себя в первую очередь россиянами чуть более четверти респондентов. Иные территориальные идентичности, часто интерпретируемые как альтернативные, по-прежнему оставались актуальными для жителей региона (табл. 1–3). Например, с жителями республики себя идентифицировала пятая часть опрошенных в Хакасии и почти столько же в Алтае. Преимущественно жителями Сибирского региона (сибиряками) себя называли 18,7 % опрошенных в Хакасии (в двух других республиках этот вариант ответа не был популярен). Приоритет поселенческой идентичности демонстрировали 15,4 % опрошенных в Хакасии, 17,9 % в Алтае и 13,7 % Тыве. Этническая иден-

тичность была значима для 7,5 % опрошенных в Хакасии, 14,1 % в Тыве и 13,7 % в Алтае.

Некоторые коррективы в процессы трансформации структуры идентичности жителей Южной Сибири внес во всех отношениях сложный 2014 г. Региональный социум испытал воздействие мирового экономического кризиса и антироссийских санкций, внешней миграции, которые обострили внутренние проблемы и противоречия, катализировали кризис доверия федеральным и местным властям, институтам гражданского общества. Определение социального портрета идентифицирующих себя с россиянами, в отличие от этнического, не являлось целью нашего исследования. Тем не менее отметим, что трансформации структуры идентичности происходили на фоне заметного увеличения доли респондентов, испытывающих экономические трудности (с 2 до 7,5 % выросло число малообеспеченных и неимущих), ощущавших нарастание напряженности межэтнических отношений (конфликтность отметили 51 % опрошенных) и отсутствие доверия действиям властей (более 50 %) [Аксютин 2020].

Усиливалось значение альтернативных механизмов консолидации, неформальных связей и отношений, локально-поселенческой, республиканской и этнической идентичности. Вместе с тем российская идентичность оставалась актуальной для большинства опрошенных в Хакасии и Алтае, где численно преобладают русские. Региональная и республиканская идентичности утрачивали значимость для жителей Хакасии, но усилились в Алтае и Тыве, где соотношение русских и представителей титульного этноса иное, нежели в Хакасии, а экономическая ситуация несколько сложнее. Отметим и тот факт, что в 2014 г. фиксировалось усиление значимости для респондентов ощущения себя представителем своей национальности (этнической идентичности) в Тыве и Хакасии. В этой группе преобладали молодые люди (до 24 лет) и представители старшего поколения (55 и старше), проживающие как в селе, так и городе. Вероятно, помимо объективного процесса консолидации, в том числе перед лицом экономических вызовов, имеет место эффект актуализации «модернизированной» (новой) этничности в условиях городского пространства Тывы и Хакасии. Численно городское население в Хакасии преобладает над сельским (366 тыс. чел.), а в Тыве они практически равны (184 тыс. горожан и 153 тыс. сельчан). В Алтае — 65 тыс. чел. проживают в городах и 146 тыс. в деревнях и селах. Этническая идентификация для городского жителя, отмечает М.Н. Чистанов, теряет свою практическую значимость, но актуализируется в качестве механизма перформативности, реализации стремления к самопрезентации, демонстрации собственной уникальности в городской среде. Этническая идентичность продолжает оставаться значимым фактором самосознания, но приобретает более рациональный характер [Громов 2016: 398; Чистанов 2021: 101–102].

Крымские события, санкционные войны и иные турбулентные процессы периода 2014–2015 гг. проявили себя в результатах последующих опросов. В 2015–2018 гг. в структуре идентичностей жителей региона произошел частичный откат к значениям 2013 г. После кратковременного усиления значимости российской идентичности в 2016 г. в Хакасии и Алтае себя в первую очередь росси-

янами называли (2018–2019 гг.) только порядка 32 % опрошенных (в 2019 г. опрос в Республике Алтай не проводился). В Тыве отмечаемое ранее усиление значимости российской идентичности также было скорректировано в сторону уменьшения. В структуре идентичностей жителей Тывы вновь преобладала республиканская идентичность, а актуальность этнической идентичности оставалась почти без изменений на протяжении всего периода исследований и ее значимость отмечали порядка 15 % респондентов в Тыве, 7 % в Хакасии и 10 % в Алтае.

Таблица 1

Структура идентичностей жителей Республики Хакасия в 2013–2019 гг., %

Тип идентичности	2013	2014	2015	2016	2018	2019
Российская	32,3	35,4	32,7	38,7	33,3	32,6
Республиканская	20,4	13	19,4	20,4	16,9	16,4
Региональная	18,7	8,3	17,7	13,8	18,5	18,4
Поселенческая	15,4	18,5	14	15,6	15,6	22,4
Этническая	7,5	9,1	9,8	6,2	7,7	7,1
Космополитическая	4,8	11,7	4,8	3,7	10,8	11

Источник: составлено автором.

Table 1

Identity structure of the Republic of Khakassia inhabitants, 2013–2019, %

Identity type	2013	2014	2015	2016	2018	2019
Russian	32,3	35,4	32,7	38,7	33,3	32,6
Republican	20,4	13	19,4	20,4	16,9	16,4
Regional	18,7	8,3	17,7	13,8	18,5	18,4
Local/Settlement	15,4	18,5	14	15,6	15,6	22,4
Ethnical	7,5	9,1	9,8	6,2	7,7	7,1
Cosmopolite	4,8	11,7	4,8	3,7	10,8	11

Source: made by author.

Таблица 2

Структура идентичностей жителей Республики Тыва в 2013–2019 гг., %

Тип идентичности	2013	2014	2015	2016	2018	2019
Российская	26,6	21,9	32,8	34,5	39,7	28,5
Республиканская	27,2	30,3	30,7	30,3	23,1	30,5
Региональная	3,1	11,5	12,1	7,9	4,8	5,5
Поселенческая	17,9	7,6	8,3	5,5	6,9	12,5
Этническая	14,1	15,7	8,6	13,8	15,9	15
Космополитическая	9,7	12,3	6,9	7,2	16,2	8

Источник: составлено автором.

Table 2

Identity structure of the Republic of Tuva inhabitants, 2013–2019, %

Identity type	2013	2014	2015	2016	2018	2019
Russian	26,6	21,9	32,8	34,5	39,7	28,5
Republican	27,2	30,3	30,7	30,3	23,1	30,5
Regional	3,1	11,5	12,1	7,9	4,8	5,5
Local / Settlement	17,9	7,6	8,3	5,5	6,9	12,5
Ethnical	14,1	15,7	8,6	13,8	15,9	15
Cosmopolite	9,7	12,3	6,9	7,2	16,2	8

Source: made by author.

Таблица 3

Структура идентичностей жителей Республики Алтай в 2013–2018 гг., %

Тип идентичности	2013	2014	2015	2016	2018
Российская	41,1	32,6	30	33,7	31,1
Республиканская	16,8	18,5	23,7	24,2	22,6
Региональная	6,8	10,2	12,6	7,4	11,1
Поселенческая	13,7	19,3	12,1	17,9	18,9
Этническая	13,7	8,6	11,6	8,9	10
Космополитическая	6,8	7,6	5,8	7,4	6,3

Источник: составлено автором.

Table 3

Identity structure of the Republic of Altay inhabitants, 2013–2018, %

Identity type	2013	2014	2015	2016	2018
Russian	41,1	32,6	30	33,7	31,1
Republican	16,8	18,5	23,7	24,2	22,6
Regional	6,8	10,2	12,6	7,4	11,1
Local / Settlement	13,7	19,3	12,1	17,9	18,9
Ethnical	13,7	8,6	11,6	8,9	10
Cosmopolite	6,8	7,6	5,8	7,4	6,3

Source: made by author.

В целом российская идентичность, как это следует из результатов проведенных опросов, остается значимой и занимает первую позицию в структуре идентичностей почти трети опрошенных жителей Хакасии и Алтая, населенных пре-

имущественно русскими. В Тыве, где численно преобладает титульный этнос, российская идентичность, пусть и незначительно, но уступала в актуальности республиканской идентичности. Другой, не только методологический, но и общественно-политический вопрос, требующий изучения, — это этнический и социально-культурный субстрат консолидации, на который опирается российская идентичность. Для формирования российской гражданской идентичности значимым является то, насколько сильно ощущают российскую идентичность люди разных национальностей, этносов, какое место она занимает в их структуре идентичностей и каковы основания этой идентификации.

Трансформации структуры идентичности представителей русского и титульных этносов республик Южной Сибири (2013—2019 гг.)

Результаты проводимых нами региональных опросов свидетельствуют, что приоритетность российской идентичности демонстрируют преимущественно этнически русские респонденты, в структуре идентичности которых она занимает, если можно так выразиться, лидирующие позиции. В то же время и среди русских респондентов доля идентифицирующих себя прежде всего с жителями России составляла чуть более трети от числа опрошенных. Например, в 2013 г. ощущали себя прежде всего жителями России 37 % русских, 28,2 % опрошенных хакасов, 24,8 % тувинцев и 24,3 % алтайцев. Для нерусских респондентов российская идентичность не была приоритетной. В частности, верхнюю строчку в структуре идентичностей хакасов и тувинцев занимала республиканская идентичность, у алтайцев — этническая. Отметим, что этническая идентичность, конвергенция которой с российской, гражданско-национальной идентичностью вызывает наибольшее количество вопросов [Дробижева 2010: 434–435], была безусловно приоритетной только для алтайцев, переживавших в этот период новый виток актуализации «национального вопроса» на фоне обострившихся экологических проблем, осложнившихся отношений с федеральным центром и усиления внешней миграции. В гораздо меньшей степени значимость ощущения себя представителем своей национальности отмечали тувинцы, отдавая приоритет не только делившим первую позицию республиканской и российской идентичности, но и поселенческой, которую отметили 17,7 % тувинцев. Для хакасов этническая, поселенческая и региональная (сибирская) идентичности были актуальны в почти равной степени (по 10 %). Значимость этничности отметили только 6,8 % русских респондентов, при этом о приоритетности для себя поселенческой и республиканской идентичности заявили 17,8 и 16,5 % опрошенных русских соответственно.

Повторное исследование, проведенное в августе — сентябре 2014 г., серьезных изменений в структуре идентичностей представителей крупнейших этнокультурных групп региона не выявило. Приоритетность для себя российской идентичности все также демонстрировали преимущественно русские и в меньшей степени представители титульных этносов республик. Как и годом ранее, республиканская идентичность оставалась значимой для большинства опрошенных тувинцев (31,3 %, рис. 3) и хакасов (41,4 %, рис. 2). Республиканская

и этническая идентичности возглавляли структуру идентичностей у опрошенных алтайцев (рис. 4). Позиции этнической идентичности у русских и тувинцев, как и поселенческой, региональной, космополитической, оставались практически без изменений по сравнению с данными 2013 г. (рис. 1, 3).

Ставший индикаторным для наших многолетних исследований опрос 2015 г., проведенный в регионе после, как уже говорилось, насыщенного событиями 2014 г., не только фиксировал изменения в структуре идентичностей жителей региона, но и продемонстрировал достаточно сильное влияние на нее внешних факторов. Если в отношении опрошенных русских (43,8%), алтайцев (22,4%) и особенно тувинцев (30,9%) можно говорить о некотором усилении значимости принадлежности к российской общности, выраженном в увеличении числа идентифицирующих себя в первую очередь с россиянами, то опрошенные хакасы демонстрировали, помимо ставшего традиционным приоритета республиканской идентичности (38,8%), значительную актуализацию принадлежности к представителям своего этноса (26,3%). Напротив, значимость этнической идентичности почти в два раза снизилась у тувинцев (до 9,3%), алтайцев (до 15,5%) и в границах статистической погрешности оставалась у русских (2%) при неизменно высокой актуальности республиканской идентичности (33,7% тувинцев; 29,3% алтайцев; 10,3% русских).

Таким образом, усиление внешних вызовов, по крайней мере на момент обострения внешнеполитической и экономической ситуации, стало фактором, консолидирующим и актуализирующим общероссийскую идентичность для жителей региона. Деактуализация российской идентичности у представителей хакасского этноса, и без того традиционно уступающей в значимости республиканской идентичности, объясняется как историческими особенностями развития региона, так и действиями местных властей. Процессы становления этнического самосознания, выделения Хакасской автономной области из состава Красноярского края и образования республики имеют давнюю историю и широко обсуждались не только в кругу этнической интеллигенции, занимавшейся научно-политическим моделированием этничности, но и широкой общественностью, что предопределило значимость республиканской и этнической идентичности хакасов.

Можно сказать, идея национальной государственности стала основой самоидентификации хакасов как этноса на рубеже веков. В числе важнейших факторов, определяющих самочувствие титульного этноса республики, также находятся миграционные процессы. В частности, были отмечены факты открытых столкновений с мигрантами из Центральной Азии, занимавшими важные экономические ниши производственного сектора (сезонные работы, рыночная торговля, сбор дикоросов), что сыграло роль консолидирующего фактора, — но не с россиянами вообще, а конкретным местным сообществом и своим этносом. Подливали масла в огонь и местные власти, которые, по мнению жителей, загоняя республику в долги, не могли эффективно решить нарастающие экономические и экологические проблемы, но вели себя вызывающе и провокационно. Свою роль сыграла трагедия апреля 2015 г., получившая название «огненная Пасха» (34 погибших, более 6 тыс. человек потеряли жилье, имущество).

Повторный опрос 2016 г., осуществленный в рамках двухлетнего проекта (2015 — 2016 гг.), и исследование 2018 г. позволяли говорить о снижении динамики процессов трансформации структуры идентичностей жителей региона. В этот период приоритет российской идентичности для русских жителей республик Южной Сибири снижался и вернулся к значениям 2013 г. Российская идентичность для хакасов, напротив, актуализировалась, и если в 2016 г. идентифицировали себя с россиянами только 18,4% представителей хакасского этноса, то в 2018 г. уже 25,7%, что также сопоставимо с результатами опроса 2013 г. Показательно, что этническая идентичность по-прежнему оставалась значимой для четверти (24,8%) опрошенных хакасов, несколько уступая российской и республиканской (31,2%). Российская идентичность тувинцев продемонстрировала устойчивость положительной динамики роста актуальности. В 2018 г. ощущали себя в большей степени жителями России 40,4% тувинцев. Российская идентичность алтайцев, впрочем, как и этническая, демонстрировала отрицательную динамику снижения актуальности, и в 2018 г. не более 18% алтайцев отметили ее значимость. Первая позиция в структуре идентичностей представителей алтайского этноса принадлежала республиканской идентичности (35,6%).

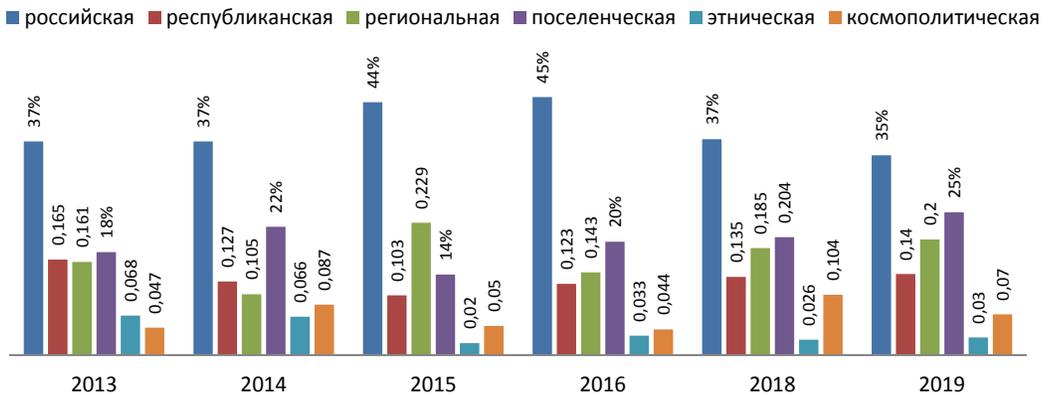

Рис. 1. Динамика структуры идентичности представителей русского этноса в 2013—2019 гг.

Источник: составлено автором.

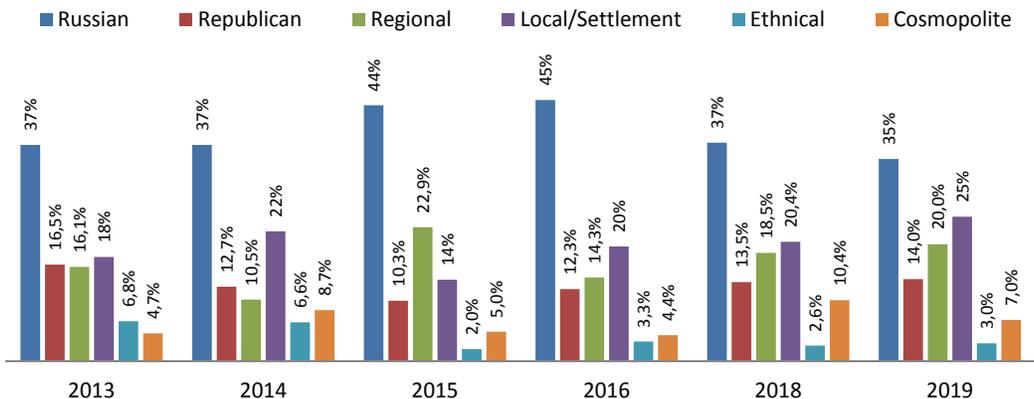

Figure 1. The dynamics of identity structure among the Russians, 2013—2019

Source: made by author.

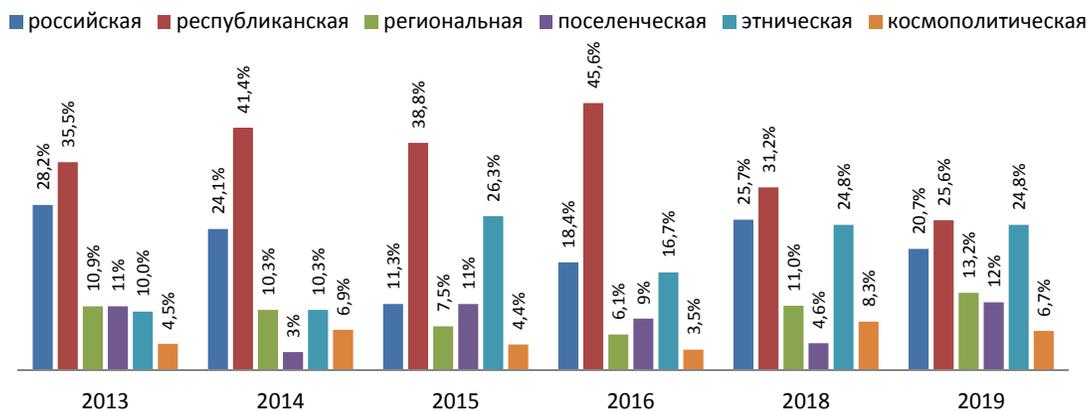

Рис. 2. Динамика структуры идентичности представителей хакасского этноса в 2013–2019 гг.

Источник: составлено автором.

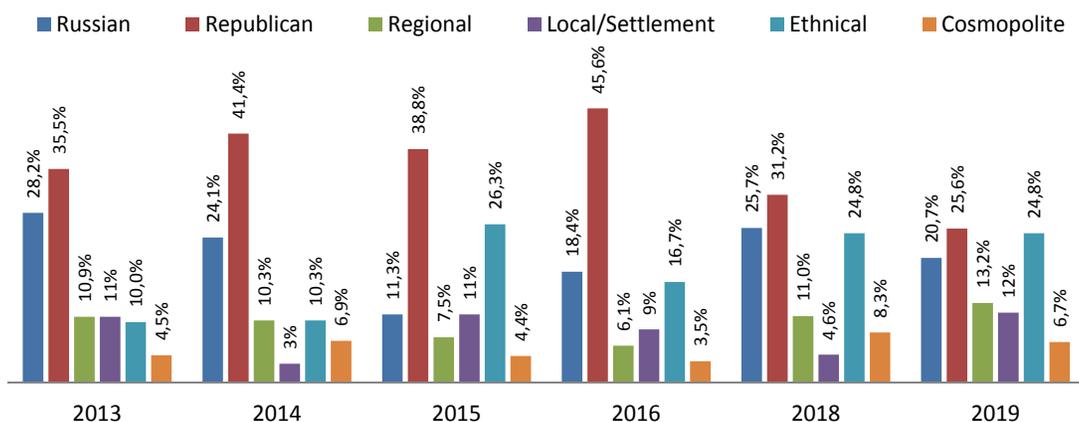

Figure 2. The dynamics of identity structure among the Khakasses, 2013–2019

Source: made by author.

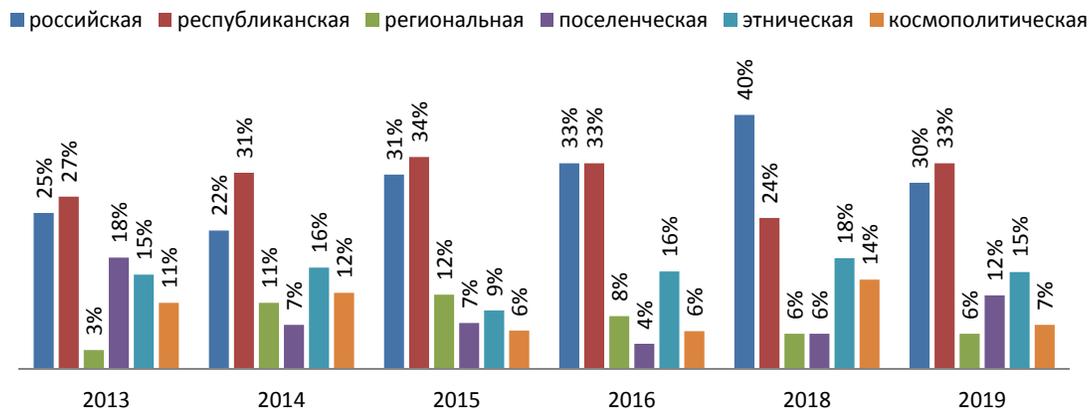

Рис. 3. Динамика структуры идентичности представителей тувинского этноса в 2013–2019 гг.

Источник: составлено автором.

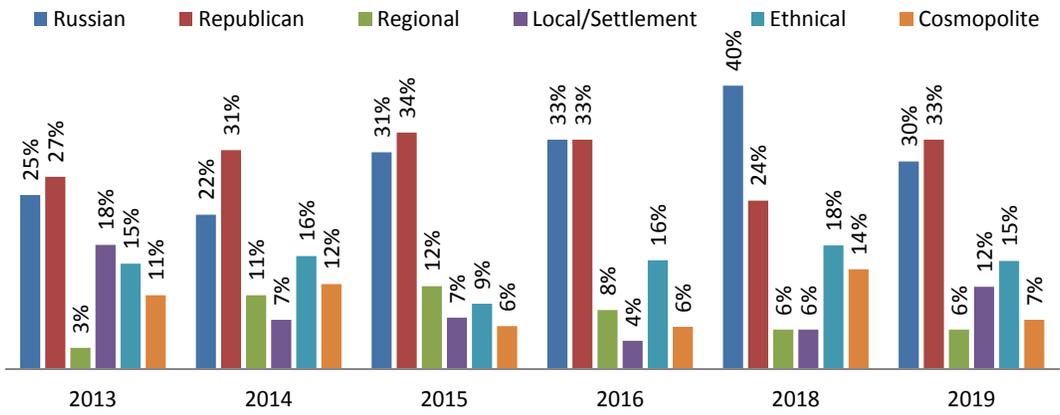

Figure 3. The dynamics of identity structure among the Tuvinians, 2013–2019

Source: made by author.

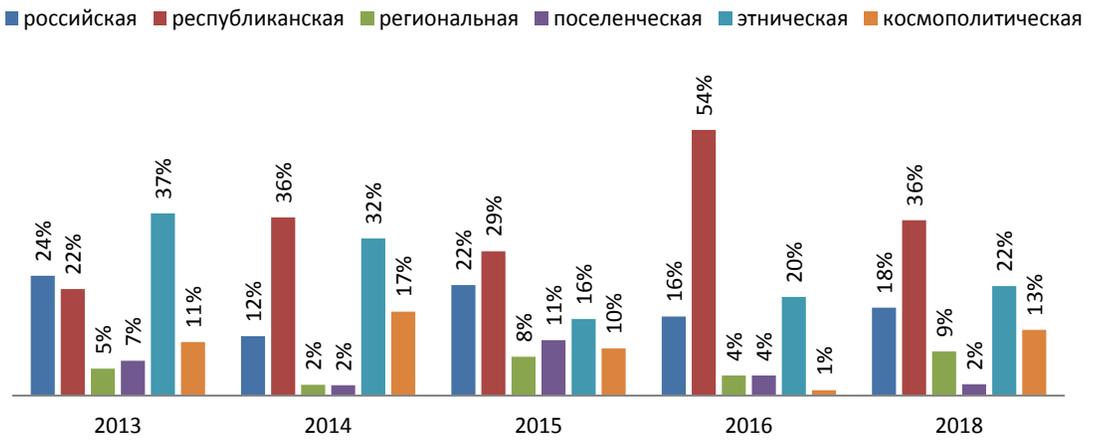

Рис. 4. Динамика структуры идентичности представителей алтайского этноса в 2013–2018 гг.

Источник: составлено автором.

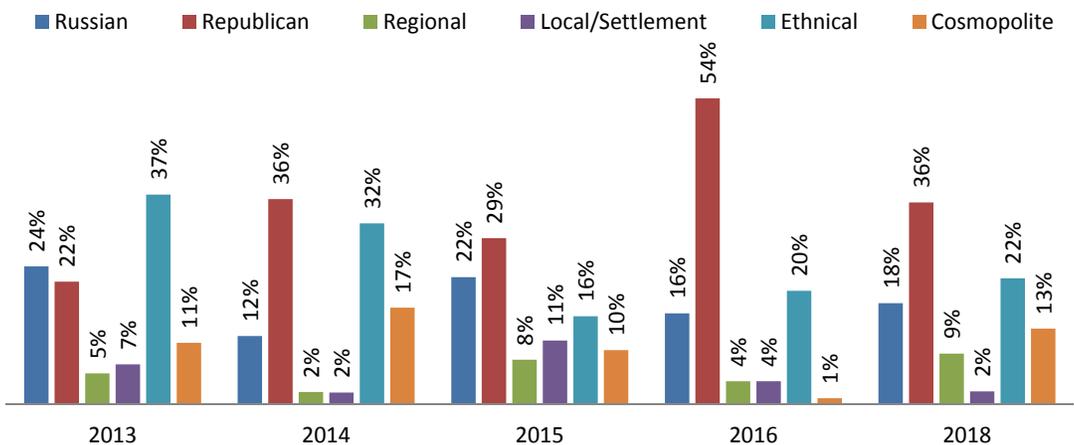

Figure 4. The dynamics of identity structure among the Altaians, 2013–2018

Source: made by author.

В 2019 г. по отдельным проектам проводились исследования институциональных и социокультурных процессов в Республиках Хакасия и Тыва. Республика Алтай, по причине вступивших в силу ограничений, связанных с пандемией COVID-19, осталась вне поля наших исследований. Тем не менее программа и выборка, формулировка вопросов блока изучения структуры идентичности остались без изменений и были сопоставимы с опросами 2013–2018 гг. Опросы в Хакасии и Тыве продемонстрировали, что позиции российской идентичности остались почти неизменными. Идентифицировали себя с россиянами 34,6 % русских. Значимость российской идентичности также отметили 20,7 % хакасов, для которых все же более значимой оставалась республиканская идентичность (25,6 %). В некотором смысле симптоматичным можно назвать стабильность позиций этнической идентичности у представителей титульного этноса Хакасии. Как и в 2018 г., значимость ощущения себя представителем своего этноса отметили 24,8 % хакасов (региональная идентичность — 13,2 %, поселенческая — 11,6 %). Среди опрошенных тувинцев с жителями России идентифицировали себя в первую очередь почти 30 % (против 40 % в 2018 г.) респондентов, но на первом месте у этой группы оставалась республиканская идентичность. Напротив, этническая идентичность, приоритетность которой в 2018 г. отмечали 17,8 % опрошенных тувинцев, в 2019 г. была значима для 15,4 % респондентов, а позиции региональной идентичности остались без изменений (5,6 %) на фоне усиления поселенческой идентификации (2019 г. — 11,7 %, 2018 г. — 5,6 %). К схожим выводам (о доминировании этнорегиональной идентичности, но без отторжения или неприятия российской идентичности) приходят исследователи социокультурных процессов в Тыве (К.З. Leung, Ч.К.о. Ламажаа, Э.Э. Тундума и др.) [Leung 2017; Ламажаа 2021; Тундума 2019]. Ассоциативные стратегии русских и тувинских респондентов, отмечает Э.Э. Тундума, показали наличие двухуровневой идентификации, в которой есть место для (этно)региональной и гражданской идентичности [Тундума 2019: 420].

Таким образом, в период с 2013 по 2018–2019 гг. российская идентичность, как и ожидалось, была присуща преимущественно русским жителям региона. Каждый третий этнически русский респондент ощущал себя в первую очередь жителем России и только потом — республики, Сибири, конкретного местного сообщества и т.д. Значимость ощущения принадлежности к этносу отмечали только 3–5 % русских респондентов. С россиянами среди опрошенных тувинцев идентифицировали себя примерно столько же, сколько русских. В целом в отношении тувинцев можно говорить о тенденции роста числа идентифицирующих себя в первую очередь с жителями России, доля которых увеличилась с 24,8 % в 2013 г. до 30 % в 2019 г. Однако число отметивших значимость республиканской идентичности на протяжении всего периода исследований было несколько большим и продолжало увеличиваться. Иная картина с респондентами алтайцами (24,3 % в 2013 г. и 17,8 % в 2018 г.) и хакасами (28,2 % в 2013 г. и 20,7 % в 2019 г.), демонстрировавшими

тенденцию пусть и незначительного снижения числа идентифицирующих себя с россиянами. Усиление значимости этнической идентичности фиксировалось только у хакасов (с 10 до 24,8 %) на фоне деактуализации республиканской идентичности (с 35,5 до 25,6 %). Можно сделать вывод, что наиболее стабильными в обозначенный период времени были структуры идентичностей русских и тувинцев. Напротив, структуре идентичностей алтайцев и в несколько меньшей степени хакасов присуща высокая динамика изменений, что объясняется наличием нескольких сильных объектов идентификации (республика, государство, этнос), незавершенностью процесса формирования этнического самосознания (отмечена ситуация конкуренции этнических элит, ряда идеологов), а также воздействием таких факторов, как процессы урбанизации и внешняя миграция, усложняющие ситуацию межкультурного взаимодействия. В таком контексте закономерный интерес представляет анализ оснований российской идентичности жителей Южно-Сибирского региона — кого и почему (в их представлении) можно назвать россиянами, важно понимать, какие смыслы имеют реальные основания в представлениях людей.

Анализ особенностей и динамики восприятия оснований российской идентичности жителями Республик Хакасия, Тыва и Алтай

Для решения задачи характеристики оснований российской идентичности жителей региона в период 2013–2019 гг. анализу были подвергнуты ответы респондентов на вопрос: кого, по их мнению, в первую очередь можно назвать россиянином? В 2013 г. большинство опрошенных жителей региона (24,7 %) полагали, что «россияне — это те, кто воспитан на русской культуре и считают ее своей». Немногим меньше было тех, кто считал главными критериями отнесения к россиянам наличие российского гражданства (23,2 %), когнитивную и эмоциональную самоидентификацию («кто сам считает себя россиянином» — 19,5 %; «кто любит Россию» — 19,6 %). Знание русского языка («кто говорит по-русски»), как и исповедание Православия, отметили порядка 3 % опрошенных. Очевидно, что все эти варианты ответов носят социокультурный и гражданский характер. Тем не менее 6,5 % опрошенных отмечали, что россиянами следует называть прежде всего тех, чьи родители — россияне (не исключено, что часть респондентов имела в виду наличие этнически русских родителей). Этот вариант ответа был близок в 2013 г. 9,2 % опрошенных русских, 7,3 % хакасов, 2 % тувинцев и 2,7 % алтайцев. Все же характеристики социокультурного плана, как главный фактор отнесения к россиянам, назвали порядка 70 % русских и хакасов, 46 % тувинцев, 56,7 % алтайцев. Особо отметим, что факт наличия российского гражданства в качестве ключевого отметили 13,3 % русских, 19,1 % хакасов, 27 % алтайцев, 46,6 % тувинцев. Гражданская трактовка российской идентичности традиционно сильна у тувинцев. Напомним, что Тыва вошла в состав РСФСР последней, в 1944 г. в ста-

туса автономной области, а уже в 1961 г. преобразована в Тывинскую АССР, затем Республику Тыва (1991 г.) с последующим принятием Конституции, фиксирующей право на самоопределение республики вплоть до выхода из состава России. Сильная история государственности, наличие альтернативного центра политической интеграции (Китай), отличная от доминирующей в России религиозная традиция (буддийская), в немалой степени определили рационализм и гражданско-государственный характер основания российской идентичности тувинцев.

Последующие опросы подтвердили доминирование социокультурных оснований российской идентичности жителей региона. В 2014 г. наличие российского гражданства для обозначения индивида в качестве россиянина отметили уже 17,4 % русских, 34,5 % хакасов, 44,4 % тувинцев и 25,5 % алтайцев. Иными словами, «фактор паспорта» гражданина РФ в качестве основания российской идентичности для представителей титульных этносов региона был ведущим. Некоторым исключением были респонденты алтайцы, 29,8 % которых отметили, что россиянин тот, кто сам считает себя россиянином. Основанием преимущественно когнитивно-эмоциональной самоидентификации алтайцев выступает комплекс факторов.

Во-первых, отмечают исследователи (Т.А. Асеева, Д.А. Михайлов), в республике в целом сложился достаточно благоприятный социально-экономический климат [Михайлов 2016: 76, Асеева 2017]. Большая часть населения ведет сельский образ жизни, что способствует складыванию не формализованных исключительно гражданством идентификационных связей с населением всей страны.

Во-вторых, в Алтае отсутствует разделяемая большинством представителей титульного этноса «идеологема возрождения» алтайской нации и государственности (конкурируют бурханизм, движения алтайских родов, мифологемы исторической и молодой алтайской нации и др.) [Михайлов 2016].

Как отмечает Е.В. Тышта, в процессе образования Республики Алтай местная интеллигенция и политическая элита активно разыгрывали «российскую карту» в противовес краевой (как части Алтайского края), без подчеркивания этнокультурной и исторической обусловленности этого преобразования и широкого обсуждения, в отличие от Хакасии [Тышта 2019: 428]. Во главу угла ставилась экономическая целесообразность повышения политико-правового статуса, сулившего прямой доступ к федеральным программам, бюджету, доходам. В структуре идентичностей поколения, пришедшего на смену современникам «больших реформ», если не принимать в расчет этническую принадлежность, республиканская идентичность занимает вторую позицию и демонстрирует тенденцию усиления. Однако у представителей алтайского этноса российская идентичность не была приоритетной. Динамично развивавшиеся рыночные отношения, а также особенности распределения бюджетных средств создают у различных групп элит конкурирующие экономические интересы, отстаивать которые, отмечает Д.А. Михайлов, удобнее с национальных позиций [Михайлов 2016: 76].

Тем не менее наличие родителей — россиян, как условие причисления к российской общности, отметили порядка 7 % русских, тувинцев и алтайцев, 14 % хакасов. В 2015–2019 гг. значение российского гражданства в качестве основания причисления к россиянам только усиливалось. Его отметили от 35 до 45 % опрошенных представителей титульных этносов региона, тогда как значимость биологического фактора (наличие родителей — россиян) подчеркивали не более 5 % респондентов. Уточним, что предельно широкого понимания оснований принадлежности к россиянам («кто воспитан на русской культуре и считает ее своей») придерживались 43 % русских и порядка 15–18 % представителей тюркских этносов региона. Когнитивную самоидентификацию с россиянами в качестве главного основания отметили примерно в равных долях 15 % опрошенных (расхождения в пределах 3–5 %). Любовь к России была маркирующим россиян критерием для 14,6 % русских, 22 % хакасов, 31 % тувинцев и 15,6 % алтайцев. Иные основания не преодолели и 3 % планку погрешности.

Таким образом, как и ожидалось, для русских общее государство, гражданство имеет определенное, но не определяющее объединяющее значение. Более значимыми оказались иные социокультурные основания: приверженность базовым ценностям русской культуры, когнитивная и эмоциональная самоидентификация. Напротив, в массовом сознании представителей титульных (тюркских) этносов региона россиян объединяет именно российское гражданство и во вторую очередь самосознание, любовь к России.

Заключение

Проведенные в регионе со сложным этнокультурным ландшафтом и в непростой период экономических, политических потрясений исследования показывают, что российская идентичность, особенно в сравнении с 1990–2000-ми гг., стала константой массового сознания жителей России. Доля опрошенных, ответивших, что они в большей степени или в первую очередь считают себя жителями России, составляет порядка 30 %. Российская идентичность занимала первую позицию в структуре идентичностей и была приоритетной для жителей Хакасии и Алтая. В Тыве, где численно преобладает титульный тувинский этнос, российская и республиканская идентичности паритетны. В ходе исследования выявлен также факт высокой восприимчивости российской идентичности жителей региона к внешним процессам и обстоятельствам, свидетельствующим о необходимости усиления ее интеграционного потенциала.

Принимая в расчет этническую принадлежность респондентов, установлено, что, как и ожидалось, российская идентичность является преимущественной для этнических русских. В период с 2013 по 2019 г. каждый третий опрошенный русский (34–37 %) ощущал себя в первую очередь жителем России. Иными словами, для характеристики ситуации в республиках Южной Сибири справедливо утверждение, что большинство рус-

ских в регионах, где титульным является иной этнос, важнейшей формой идентичности считают российскую, а абсолютное меньшинство — этническую. В то же время для представителей титульного этноса важной формой идентичности выступает республиканская. С россиянами среди опрошенных тувинцев идентифицировали себя примерно столько же, сколько русских. Однако число тувинцев, отметивших значимость республиканской идентичности, на протяжении всего периода исследований было равным или несколько большим (в 2019 г. — 32,7 %). Несколько иная картина с респондентами алтайцами (17,8 % в 2018 г.) и хакасами (25,7 % в 2019 г.), демонстрировавшими тенденцию снижения числа идентифицирующих себя с россиянами. У алтайцев зафиксирован рост актуальности республиканской идентичности (до 35,6 % в 2018 г.), а у хакасов фиксировалось усиление значимости этничности (с 10 до 24,8 %), сопровождавшееся деактуализацией республиканской идентичности (с 35,5 до 25,6 %). Отметим, что изменения в структуре идентичностей жителей Хакасии происходили на фоне серьезного политического кризиса в республике и значительного падения уровня доверия властям. В 2018 г. местное население активно выступало против открытия новых угольных разрезов в местностях компактного проживания представителей преимущественно титульного этноса, а выборы главы республики сопровождались актами «протестного голосования» (за любого кандидата и против действующего главы республики), введением «внешнего управления» (назначение временно исполняющего обязанности главы), самоотводом кандидатов перед днем голосования.

Анализ оснований российской идентичности жителей Южно-Сибирского региона (проще говоря — поиск ответов на вопрос: кого и почему они называют россиянами, какие смыслы имеют реальные основания российской идентичности в представлениях людей) дал интересные, но прогнозируемые результаты, во многом воспроизводящие общероссийскую ситуацию. Доктринальные определения и реальные основания идентификации в повседневной жизни не во всем совпадают. Как показали результаты опросов, в массовом сознании представителей титульных этносов региона россиян сегодня объединяет гражданство, которое в качестве основания идентификации отметили от 35 до 45 % опрошенных хакасов, тувинцев, алтайцев («фактор паспорта» отмечают 17–20 % русских). Приверженность базовым ценностям российского общества и русской культуры отметили 43 % русских и порядка 15–18 % представителей тюркских этносов региона. Когнитивную самоидентификацию в качестве главного основания солидаризации отметили примерно в равных долях 15 % опрошенных, а любовь к России была маркирующим критерием для 14,6 % русских, 22 % хакасов, 31 % тувинцев и 15,6 % алтайцев. Иными словами, российская идентичность в значительной степени государственно-гражданская (порядка трети опрошенных демонстрировали «гражданский тип идентичности»). Примерно у такой же доли россиян, преимущественно — русских, распространена социокультурная российская идентичность. Следует иметь в виду условность

приведенной «типологизации российской идентичности». У большинства опрошенных представления об основаниях идентификации и ее смыслах тесно переплетаются.

Поступила в редакцию / Received: 11.05.2022

Доработана после рецензирования / Revised: 01.08.2022

Принята к публикации / Accepted: 15.08.2022

Библиографический список

- Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В., Гриценко Г.Д.* Этничность в политических конфликтах: этнизация политики и политизация этничности // *Политическая наука*. 2020. № 3. С. 74–97. <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.03.04>
- Анжиганова Л.В.* Эволюция межнациональных отношений в Республике Хакасия (социологический аспект) // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2007. № 1. С. 78–82.
- Аксиутин Ю.М.* Анализ зависимости оценок межэтнической напряженности от трансформации структуры идентичностей и социально-экономического самочувствия жителей Республики Хакасия в постсоветский период // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики*. Серия: Познание. 2020. № 1. С. 81–85.
- Асеева Т.А.* Тенденции формирования гражданской идентичности жителей Республики Алтай // *Российский политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика*. 2017. № 10. С. 9–12.
- Бауман З.* *Текущая современность* / пер. с англ. С.А. Комарова; под ред. Ю.В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008.
- Белокур В.М.* Российская нация: базовая проблема национальной самоидентификации российского общества // *Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права*. 2016. № 3–4 (4–5). С. 51–71.
- Бергер П., Лукман Т.* *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания* / пер. Е.Д. Руткевич. М.: Медиум, 1995.
- Громов Д.В.* Этноювенология: всегда ли оправдана междисциплинарность? // *Феномен междисциплинарности в отечественной этнологии*. М.: ИЭА РАН, 2016. С. 397–404.
- Дробижева Л.М.* Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости: Россия реформирующаяся. ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. М.: Институт социологии РАН, 2008. Вып. 7. С. 214–228.
- Дробижева Л.М.* Этничность в современном обществе: новые подходы, старые мифы, социальные практики // *Вестник Института социологии*. 2010. № 1. С. 429–442.
- Дробижева Л.М.* Стратегия государственной национальной политики о российской гражданской идентичности и реализация ее в полиэтнических регионах Российской Федерации // *Единство. Гражданственность. Патриотизм: сборник научных трудов к 100-летию Республики Башкортостан*. Уфа, 22–23 марта 2019 года. Уфа: Мир Печати, 2019. С. 4–8.
- Дробижева Л.М.* Смыслы общероссийской гражданской идентичности в массовом сознании россиян // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020. № 4. С. 480–498. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.1261>
- Жители Хакасии о своей жизни: результаты социологического исследования по теме «Состояние межнациональных отношений в Республике Хакасия в оценках и представлениях массового сознания»* / отв. ред. Л.В. Анжиганова, Г.Г. Котожеков. Абакан: Хакасское книжное издательство, 1994.

- Идентичность: Личность, общество, политика: энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семенов. М.: Весь Мир, 2017.
- Ламажаа Ч.К.о. Тува как лимитрофная зона: язык, религия и идентификация населения // Новые исследования Тувы. 2021. № 3. С. 178–194. <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.14>
- Межнациональные отношения в Хакасии: результаты социологического исследования по теме «Состояние межнациональных отношений в Республике Хакасия в оценках и представлениях массового сознания» / отв. ред. Л.В. Анжиганова, Г.Г. Котожеков. М.; Абакан: ХРИПКИПРО Роса, 1997.
- Михайлов Д.А. Идеологема возрождения и конструирование алтайских национализмов // Антропологический форум. 2016. № 31. С. 63–85.
- Мчедлова М.М., Казаринова Д.Б. Политика идентичности: конкуренция новых теоретических смыслов и политических стратегий // Политическая наука. 2020. № 4. С. 13–35. <https://doi.org/10.31249/poln/2020.04.01>
- Нигматуллина Т.А. Политизация этничности в условиях регионального федерализма // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2016. № 3 (34). С. 89–97.
- Паин Э.А., Федюнин С.Ю. Нация и демократия: перспективы управления культурным разнообразием. М.: Мысль, 2017.
- Попков Ю.В. Современная российская национальная политика: концептуально-целевые основы и опыт реализации (на примере Тувы) // Новые исследования Тувы. 2020. № 3. С. 253–268. <https://doi.org/10.25178/nit.2020.3.18>
- Попков Ю.В., Костюк В.Г., Тугужекова В.Н. Этноссы Сибири в условиях современных реформ: социологическая экспертиза. Новосибирск: Нонпарель, 2003.
- Религиозно-нравственное сознание населения Республики Хакасия: проблемы и перспективы развития / отв. ред. В.Г. Ибрагимов. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2007.
- Социально-демографический портрет России: По итогам Всероссийской переписи населения 2010 года / Федеральная служба государственной статистики. М.: Статистика России, 2012.
- Тишков В.А. Этнический конфликт в контексте обществоведческих теорий // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения / отв. ред. Е.И. Степанов. М.: ИС и ИЭА РАН, 1992. Вып. 2, ч. I. С. 20–31.
- Тундума Э.Э. Ассоциативная репрезентация гражданской и этнорегиональной идентичности жителей Республики Тыва // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 1. С. 419–420.
- Тышта Е.В. Повышение политико-правового статуса регионов в период диверсификации российского федерализма (на примере республик Хакасия и Алтай) // Актуальные проблемы региональной истории: взаимоотношения центра и регионов в исторической динамике. Ижевск: Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук, 2019. С. 420–431.
- Чистанов М.Н., Еремин Л.В. Современные городские диаспоры: факторы социальной динамики (на примере тувинской диаспоры в г. Абакане) // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16. № 5. С. 99–105. <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2021-16-5-99-105>
- Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. 1995. № 3–4. С. 9–20.
- Aksutin Yu. M. New Russian identity and interethnic relations in the regional dimension (on the example of Southern Siberia in the 2000s) // Modern Studies of Social Issues. 2018. Vol. 10 (1–3). P. 97–102.
- Anderson B.R. *Imagined communities: Reflections on the origin a spread of nationalism*. London: Verso, 1983.

- Anzhiganova L., Asochakova V., Topoeva M. Ethno-confessional neotraditionalism in a globalized world: Search for basis of identification // *Revista de Humanidades*. 2017. 30. P. 141–153.
- Archer M. The Dubious Guarantees of Social Science: a Reply to Wallerstein // *International Sociology*. 1998. 13 (1). P. 5–17.
- Billington J.H. *Russia in search of itself*. London; Washington: Wilson center press; Baltimore: Hopkins University press, 2004.
- Castells M. *Globalization and identity: a comparative perspective* // *Transfer*. 2006. Vol. 1. P. 56–65.
- Giddens A. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Stanford: Stanford University Press, 1991.
- Habermas J. *The Theory of Communicative Action: Reason and the Rationalization of Society*. Boston: Beacon Press, 1984.
- Kapeller J., Wolkenstein F. The grounds of solidarity: From liberty to loyalty // *European Journal of Social Theory*. 2013, no. 16(4). P. 476–491. <https://doi.org/10.1177/1368431013479689>
- Kuzio T. History, Memory and Nation Building in the Post-Soviet Colonial Space // *Nationalities Papers*. 2002. № 30 (2). P. 241–264. <https://doi.org/10.1080/00905990220140649>
- Leung K.Z. Contemporary Youth Identity in the Republic of Tuva, Russia // *New Research of Tuva*. 2017. № 3. P. 49–65. <https://doi.org/10.25178/nit.2017.3.3>
- Leach C.W., Brown L.M., Worden R.E. Ethnicity and identity politics // *Encyclopedia of violence, peace, & conflict* (second edition). Kurtz L.R. (ed). London: Academic Press, 2008. P. 758–768.
- Parsons T. *The Social System*. London: Routledge, 1991.

References

- Avksentev, V.A., & Aksiumov, B.V., & Gritsenko, G.D. (2020). Ethnicity in political conflicts: ethnicization of politics and politicization of ethnicity. *Political science (RU)*, (3), 74–97. (In Russian). <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.03.04>
- Aksutin, Yu.M. (2020). The analysis of how interethnic tension index and identity structure depend on social and economic adaptation of republic of Khakassia inhabitants in post-soviet period. *Modern Science: actual problems of theory and practice*, (1), 81–85. (In Russian).
- Anzhiganova, L.V. (2007). Evolution of inter-ethnic relations in modern Khakassia (sociological aspect). *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, (1), 78–82. (In Russian).
- Aseeva T.A. (2017). Trends in the formation of civic identity of residents of the Altai Republic. *Russian political process in the regional dimension: history, theory, practice*, (10), 9–12. (In Russian).
- Bauman Z. (2008). *Liquid modernity*. Trans. from English by S. A. Komarova, Yu.V. Asochakova (Ed.). Saint Petersburg: Piter Publisher. (In Russian).
- Belokur, V.M. (2016). The Russian nation: basic problem of national identity of the Russian society. *Regional'noe i municipal'noe upravlenie: voprosy politiki, ekonomiki i prava*, 3–4(4–5), 51–71. (In Russian).
- Berger, P., & Luckmann, T. (1995). *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. Moscow: Medium. (In Russian)
- Gromov, D.V. (2016). Ethnoeuvenology: is interdisciplinarity always justified? In *The phenomenon of interdisciplinarity in Russian ethnology* (pp. 397–404). Moscow: IEA RAS. (In Russian).
- Drobizheva, L.M. (2008). National-Civic and Ethnic Identity: Problems of Positive Compatibility. In M.K. Gorshkov (ed.), *Russia is Reforming* (pp. 214–228). A Yearbook. Moscow: Institute of Sociology of the RAS, 7. (In Russian).
- Drobizheva, L.M. (2010). Ethnicity in modern society: new approaches, old misconceptions, social practices. *Vestnik instituta sotziologii*, 1(1), 429–442. (In Russian).
- Drobizheva, L.M. (2019). The Strategy of the State National Policy on the Russian Civil Identity and its Implementation in the Multi-ethnic Regions of the Russian Federation. In *Unity. Civic*

- consciousness. Patriotism* (pp. 4–8). Collection of Scientific Papers on the 100th anniversary of the Republic of Bashkortostan. Ufa: World Press. (In Russian)
- Drobizheva, L.M. (2020). The Meanings of All-Russian Civic Identity in Russian Mass Consciousness. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (4), 480–498. (In Russian). <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.1261>
- Anzhiganova, L.V., & Kotozhekov, G.G. (Eds.). (1994). *Residents of Khakassia about their lives: the results of a sociological study on the topic: "The state of interethnic relations in the Republic of Khakassia in the assessments and representations of mass consciousness"*. Abakan: Publishing Hakasskoe knizhnoe izdatel'stvo. (In Russian).
- Semenenko, I.S. (Ed.). (2017). *Identity: the individual, society, and politics*. An encyclopedia. Moscow: Publishing «Ves' Mir». (In Russian).
- Lamazhaa, Ch. K. (2021). Tuva as a limitrophe zone: language, religion and people's identity. *New Research of Tuva*, (3), 178–194. (In Russian). <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.14>
- Anzhiganova, L.V., & Kotozhekov, G.G. (Ed.). (1997). *Interethnic relations in Khakassia: results of a sociological study on the topic: "The state of interethnic relations in the Republic of Khakassia in the assessments and representations of mass consciousness"*. Moscow; Abakan: Publishing HRIPKiPRO Rosa. (In Russian).
- Mikhailov, D.A. (2016). The ideologeme of revival and the construction of Altai nationalism. *Antropologicheskij Forum*, (31), 63–85. (In Russian).
- Mchedlova, M. M., & Kazarinova, D.B. (2020). The identity politics: competition of new theoretical meanings and political strategies. *Political science (RU)*, (4), 13–35. (In Russian). <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.04.01>
- Nigmatullina, T.A. (2016). The politicization of ethnicity in the conditions of regional federalism. *Questions of National and Federative Relations*, 3(34), 89–97. (In Russian).
- Pain, E.A., & Fedyunin, S.Yu. (2017). *Nation and Democracy: Cultural Diversity Management Perspectives*. Moscow: Mysl. (In Russian).
- Popkov, Yu.V. (2020). Contemporary Russian national policy: conceptual and target bases and implementation experience (the case of Tuva). *New Research of Tuva*, (3), 253–268. (In Russian). <https://doi.org/10.25178/nit.2020.3.19>
- Popkov, Iu.V., & Kostiuk, V.G. & Tuguzhekova, V.N. (2003). *Ethnoses of Siberia in the conditions of modern reforms : a sociological examination*. Novosibirsk: Nonpareil. (In Russian).
- Religious and moral consciousness of the population of the Republic of Khakassia: problems and prospects of development: results of sociological research*. (2007). V.G. Ibragimova (Ed.). Abakan : Publishing house of the N.F. Katanov Khakass State University. (In Russian).
- Socio-demographic portrait of Russia: According to the results of the All-Russian Population Census of 2010*. (2012). Federal State Statistics Service. Moscow: IStatistics of Russia. (In Russian).
- Tishkov, V.A. (1992). Ethnic conflict in the context of social theories. In: *Social conflicts: expertise, forecasting, resolution technologies* (Vol. 2(I), pp. 20–31). E.I. Stepanov (Ed.). Moscow: IS and IEA RAS. (In Russian).
- Tunduma, E.E. (2019). Associative representation of civil and ethnoregional identity of the residents of the Republic of Tyva. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 1, 419–420. (In Russian).
- Tyshta, E.V. (2019). Raising the political and legal status of regions during the period of diversification of Russian federalism (on the example of the Republics of Khakassia and Altai). *Actual problems of regional history: the relationship of the center and regions in historical dynamics*. Izhevsk: Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. (In Russian).
- Chistanov, M.N., & Eremin, L.V. (2021). Modern urban diasporas: factors of social dynamics (on materials of tuva diaspora in the city of Abakan). *Gumanitarnyj vektor*, 16 (5), 99–105. <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2021-16-5-99-105>. (In Russian).

- Yadov, V.A. (1995). Social and Socio-Psychological Mechanisms of the Formation of a Person's Social Identity. *World of Russia*, (3–4), 9–20. (In Russian).
- Aksutin, Yu. M. (2018). New Russian identity and interethnic relations in the regional dimension (on the example of Southern Siberia in the 2000s). *Modern Studies of Social Issues*, 10(1–3), 97–102.
- Anderson, B.R. (1983). *Imagined communities: Reflections on the origin a spread of nationalism*. London: Verso.
- Anzhiganova, L., & Asochakova, V., & Topoeva, M. (2017). Ethno-confessional neotraditionalism in a globalized world: Search for basis of identification. *Revista de Humanidades*, 30, 141–153. (In Spain)
- Archer, M. (1998). The Dubious Guarantees of Social Science: a Reply to Wallerstein. *International Sociology*, 13(1), 5–17.
- Billington, J.H. (2004). *Russia in search of itself*. London; Washington: Wilson center press; Baltimore: Hopkins University press.
- Castells, M. (2006). Globalization and identity: a comparative perspective. *Transfer*, 1, 56–65.
- Giddens, A. (1991). *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Stanford: Stanford University Press.
- Habermas, J. (1984). *The Theory of Communicative Action: Reason and the Rationalization of Society*. Boston: Beacon Press.
- Kapeller, J., & Wolkenstein, F. (2013). The grounds of solidarity: From liberty to loyalty. *European Journal of Social Theory*, 16(4), 476–491. <https://doi.org/10.1177/1368431013479689>
- Kuzio, T. (2002). History, Memory and Nation Building in the Post-Soviet Colonial Space. *Nationalities Papers*, 30(2), 241–264. <https://doi.org/10.1080/00905990220140649>
- Leung, K.Z. (2017). Contemporary Youth Identity in the Republic of Tuva, Russia. *New Research of Tuva*, 3, 49 –65. <https://doi.org/10.25178/nit.2017.3.3>
- Leach, C.W., & Brown, L.M., & Worden, R.E. (2008). Ethnicity and identity politics. In L.R. Kurtz (Ed.). *Encyclopedia of violence, peace, & conflict (second edition)* (pp. 758–768). London: Academic Press.
- Parsons, T. (1991). *The Social System*. London: Routledge.

Сведения об авторе:

Аксиутин Юрий Михайлович — кандидат философских наук, доцент кафедры гражданско-правовых и уголовно-правовых дисциплин Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Кatanова (e-mail: aksutum@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-5996-3686)

About the author:

Yurii M. Aksiutin — Candidate of Philosophy, Associate Professor, Department of Civil Law and Criminal Law Disciplines, Katanov State University of Khakassia (e-mail: aksutum@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-5996-3686)